

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН: «ДАЖЕ БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ – ТОЛЬКО ЧАСТЬ НАШЕЙ МАЛОЙ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»

Бесценный модератор проекта «Герценовские литературные встречи», профессор кафедры русской литературы РГПУ им. А.И. Герцена Мария Черняк обратилась к присутствующим: «Мы девятый год проводим проект “Герценовские литературные встречи”, но такого аншлага еще не видели, хотя к нам всегда приходили замечательные авторы. Поэтому большое спасибо за проявленный интерес к нашему гостю. Мы действительно очень долго ждали, договаривались с Евгением Германовичем о встрече. Совершенно очевидно, что представлять гостя не нужно. Достаточно просто сказать, что у нас в гостях Евгений Водолазкин».

Диалог с читателями оказался весьма живым и увлекательным.

– В какой момент к Вам, профессиональному филологу, литературоведу, серьезно занимающемуся наукой, академическим литературоведением, пришло желание не только изучать литературу, но и писать самому, попробовать себя в другой роли?

– Я шел, как большинство филологов, из безотчетной любви к слову как таковому. Я не знал, как будет осуществляться эта любовь. И даже когда был студентом, начинал писать статьи художественно. Это дисциплинировало. Отдел древнерусской литературы Института русской литературы, в который я попал, в то время возглавлял Дмитрий Сергеевич Лихачев. А моим непосредственным руководителем кандидатской диссертации был Олег Юрьевич Творогов, выдающийся исследователь древнерусской литературы. Когда я сдавал ему первые части своей диссертации, он спросил, чем я хочу заниматься, затем предложил хронике Георгия Маркова. Так я стал изучать эту хронику – 560 страниц в издании, совершенно невразумительный перевод, который без знания греческого языка не понять. Меня это так увлекло – я даже не ожидал и не заметил, как забыл об остальных вещах на долгое время. Текстология лежала в гармонии с моими естественными стремлениями – я писал стихи. В то время мне как писателю еще нечего было сказать. Литература – это энергия, энергетический импульс. И в какой-то момент я начал писать. Почему? Амбиций, как в юности, когда хочется стать первым поэтом, у меня уже не было. К сорока годам у меня появилось что сказать. Коллеги советовали писать под псевдонимом. Они меня поддержали, говорили – может, чего и получится. Это преимущество хорошего общества и компании. А могло быть иначе.

– Год назад в Польше состоялась научная конференция «Знаковые имена современной российской литературы», посвященная целиком Евгению Водолазкину. В течение пяти дней слушать доклады о самом себе – каково это? Насколько Вы прислушиваетесь к тому, что о Вас говорят читатели и профессиональные филологи, следите ли за критическими статьями о себе?

– У меня принцип: не отвечать на критику – ни на хорошую, ни на плохую. Одна юная леди как-то брала у меня интервью и спросила, были ли у меня «ляпы» в произведениях. Потом вышла статья «Семь “ляпов” в романе “Брисбен”». Я написал ответ, проинформировал о неточности в передаче мысли. Хотя это скорее исключительный случай. Я привык относиться с пониманием к критике. Самое неприятное – когда по делу ругают. Я вырос в ученой среде, где каждое высказывание должно быть аргументировано. А в литературных рецензиях аргументы часто отсутствуют. В Кракове мне предложили выступить со вступительным словом и уйти. «Почему?» – спросил я. «Потому что это может быть травматично». Я говорю, что привык. Слушать их было совершенно удивительно. Те, кто занимается текстологией, несколько скептически относятся к моим текстам.

В Зимнем саду Фундаментальной библиотеки РГПУ им. А.И. Герцена состоялась встреча с одним из самых известных и обсуждаемых современных российских писателей, автором нашумевших романов «Лавр», «Авиатор», «Брисбен», лауреатом премии «Большая книга» и «Ясная поляна», публицистом, литературоведом, ведущим научным сотрудником ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) Евгением Водолазкиным.

Я написал неисторические романы. Это тексты, которые вроде бы имеют своим материалом историю, но они не об истории, а о современности.

Современность можно описывать двумя способами: или описывать то, что мы видим, или описывать то, чего нет. Чего нет в современности? Фундаментального! Нет вечной любви! «Лавр» – это роман о вечной любви.

Евгений Водолазкин

А здесь участники конференции продемонстрировали абсолютно научный подход. Из докладов узнал, что в моих романах очень много имен появилось случайно, а я этого не знал, не размышлял об их значении. Я это записал и теперь пользуюсь для объяснения. Обсуждали, что думал автор, когда писал тот или иной фрагмент. Там были работы, в которых мои тексты рассматривались в контексте современной литературы – я слушал и думал: «Неужели это я?»

– Думали ли Вы когда-нибудь о формуле успеха Ваших книг?

– Я задумывался об этом. Ведь бывает, что книга «неправильно» написана, а ее все равно находят признание. Я исходил из того, что мне поднадоела современная литература. Она казалась какой-то злой, полной негатива. Захотелось сказать что-то хорошее. Думал, может, только я устал от бесконечных сериалов, безумных текстов. Оказалось, что если предлагаешь иное, люди переключаются на это. То есть отношения спроса и предложения очень тонкие. Спрос похож на улицу с двухсторонним движением, сообщающиеся сосуды – одно порождает другое. Когда предложение упорно хочет быть плохим, это воспитывает спрос. Надо размыкать такой круг. Я решил попробовать. Оказалось, что это востребовано, мои тексты читают. Так что формула успеха заключается в том, что надо написать книгу, которую сам захочешь прочитать.

– Вы говорили в одном из интервью, что главная задача искусства – рассказывать именно о человеке, не о политической системе, не об интригах, по большому счету, не об истории. Говорить нужно об

истории души. Как Вам удается сочетать абстрагированность от большой истории, с одной стороны, и интерес к истории души – с другой?

– «История души» – это лермонтовское выражение. Что такое история, какая она бывает? Первая – всемирная, в которой происходят катаклизмы, революции, войны. Есть малая история, наша личная. Вот эта личная история – самая главная. Даже большая история – только часть нашей малой персональной истории. Потому что на большую историю повлиять нельзя. У такой истории нет цели. У нее тысячи векторов, нет одной направленности. Она вроде аквариума, а плавающие в нем существа – это мы с вами. История – как рама, а картина – то, что делаем все мы. Личная история – про то, как стучат первые капли дождя, про крики петуха, влюбленного мартовского кота. Эта идея была высказана Д.С. Лихачевым: он очень любил личную историю, историю звуков, запахов. Интересоваться большой историей можно и нужно, но главное – это история человека, малая. В ней осуществляется развитие души.

– На обложке романа «Лавр» указано: «Неисторический роман». Это стремление показать человека вне истории или стремление отойти именно от всемирной истории, показать только историю души человеческой?

– Очень хороший вопрос. На самом деле, все развивалось так: мой замечательный редактор Лена Шубина сказала, что нужен слоган. И я, небольшой любитель слоганов, подумал, почему бы не проинформировать читателя, что книга не является историческим романом. Я люблю работать с тривиальными жанрами, и в жизни исторических романов не читаю. Жанровые произведе-

ния, если они только об истории, не интересны. Лучшие романы – это когда автор берет жанровую основу и пишет о человеке. О чем бы ни шла речь: об аквариуме, об изобретении микрочипа, о консервировании овощей, – в центре должен быть человек. Важно показать, что он думает в ходе общей истории.

Я написал неисторические романы. Это тексты, которые вроде бы имеют своим материалом историю, но они не об истории, а о современности. Неисторический роман такой еще и потому, что является зеркалом, в которое смотрит современность. Настоящий роман, даже если он написан на историческом материале, не об истории. Современность можно описывать двумя способами: или описывать то, что мы видим, или описывать то, чего нет. Чего нет в современности? Фундаментального! Нет вечной любви! «Лавр» – это роман о вечной любви. И если бы я начал писать его на современном материале, мне бы сказали: какая уж вечная любовь, о чем вы говорите! Но в XV веке был жанр, в котором можно было говорить о боге, о вечных, самых главных вещах. Это житие. Я, кажется, впервые в современной литературе написал житие, созданное современными литературными средствами. Когда «Лавр» называют постмодернистским текстом, это и правда, и неправда. Роман написан на стыке систем поэтики. Было бы странно сказать, что у меня стоял калькулятор, и я рассчитывал, как написать бестселлер. Человек пишет душой. Это потом я могу посмотреть на текст как филолог. Но пишу я интуитивно, закрывая дверь между левым и правым полушарием, которые отвечают за рациональное и художественное познание. Здесь важно сказать, что стремление уйти в прошлое, чтобы рас-

Смотрите репортаж о встрече с Евгением Водолазкиным в видеопроекте «ПВ» www.youtube.com/pedvesty

смотреть настоящее, очень сейчас значимо в литературе.

– О чем Ваш роман? Описывает ли он новое Средневековье?

– Как я уже говорил, это роман о вечной любви. Она иногда возникает как плотская, но потом выходит совершенно на другой уровень, на уровень небесной. И человек любит уже метафизическую сущность. На самом деле, книга еще и о боге в душе, в сердце. Да, в какой-то степени она может отражать особенности постсоветского человека. Но по большому счету, чудеса я брал из средневековых текстов. Я верю, что жизнь устроена так, как она устроена – это ли не чудо? Что вместо хаоса все выстраивается по законам физики. Чудо еще бывает, на мой взгляд, тогда, когда о нем просишь, и это очень важно. Чудо – это не фейерверк, не цирковое представление, а кратчайший путь к результату, который человек не может себе позволить, а бог может.

Что касается нового Средневековья, я не думаю, что оно наступит. Ничего в полной мере повторяющего прошлое не будет. История движется по спирали. Это придумали не Маркс с Энгельсом. Это есть у цугов церкви. Если брать литературу и культуру, то литература устала от своей литературности, от вымысла и условной реальности. Она по-средневековому переходит к безусловной реальности. В Средневековье текст был безграничным. Летопись, житие могли до бесконечности меняться, сокращаться, увеличиваться. Поэтому, когда мы издаем средневековые тексты, мы издаем все возможные варианты, потому что основного текста нет. Культура устает от того, что текст аморфный. Точно так же Интернет приходит не из-за того, что додумались до него технически: усталость культуры от ограниченного текста создает то, что текст опять становится безграничным. Если Средневековье создает формы, то никто не знает, чем они будут заполнены, какая идеология, начинка окажется в них. Ничего нельзя будет сказать о том, что нас ждет. Но я очень страдаю, когда термин «Средневековье» используется в качестве негативного, как символ жестокости. «Мера всех вещей – человек», – эта фраза вполне могла быть произнесена и в Средневековье, только если понимать, что эта мера дана богом.

– Перенос героя в некоторую реальность, альтернативную современности, роднит жанр неисторического романа с истоками жанра фэнтези. Как Вы относитесь к подобной интерпретации?

– Словом «фэнтези» можно назвать все, что выдуманно. Поскольку новая литература – это литература художественного вымысла, то все можно назвать так. Надо понимать, что все в мире – это фэнтези. В Средневековье его не было, потому что с точки зрения средневекового человека вымысел – это ложь, а ложь – грех. Новое время объявило, что есть художественный вымысел. Но этот вымысел не вымысел вовсе. Это реальность, взятая в одном месте, в одно время, и перенесенная в другое место и в другое время. С одной стороны, в любом литературном произведении можно найти черты фэнтези, с другой – это реальность, перенесенная из какой-то точки. Популярность вымышленных жанров уже уходит. Жанровая литература, по статистике, продается хуже, чем серьезная. Псевдобиографические вещи, произведения С.Д. Довлатова, Э.В. Лимонова, В.Г. Попова востребованы. Это запрос на новую реальность. В литературе будет возможно все. Это главный подарок постмодернизма, который сделал возможным самое разное соседство. Как в Средневековье под одной обложкой могли существовать тексты с разницей в тысячелетия – так будет и в литературе постмодернизма. А я называю это эпохой сосредоточения.

Материал подготовлен Екатериной Калакуцкой, корреспондентом «ПВ»